

Чу И вдруг почувствовал необъяснимую тревогу. Этот ответ, вырвавшийся у него на рефлексках, и то, как сильно он скучал — так, что даже Янь Хан был удивлен, — всё это навалилось внезапно. Какие-то чувства, которым он раньше не придавал значения, вдруг хлынули потоком. Он даже не успел толком во всем разобраться, как вдруг почувствовал, что тело сковало оцепенением.

— Почему замолчал? — спросил Янь Хан.

— Я... не знаю, — когда Чу И снова заговорил, в его голосе дрожь, которую он не мог унять. — Мне... немного... страшно.

— Что случилось? — Янь Хан стоял перед своим шкафом, только открыл дверцу, чтобы достать одежду, но, услышав это, замер. — Что-то произошло?

— Нет, не то чтобы... — Чу И замялся. — Ничего не случилось.

— Тогда чего ты боишься? — Янь Хан прислонился к шкафу и тихо спросил.

— Не знаю. — Голос Чу И звучал глухо.

— Ты сейчас где? — Янь Хан не стал допытываться.

Это признание «мне страшно» тронуло Янь Хана, кольнуло в самое сердце. Он не знал, то ли вспомнил самого себя, то ли прежнего Чу И. Человек может бояться чего угодно: конкретного человека, события, странного предчувствия... А порой страх приходит беспричинно, непонятно откуда, просто берет и накрывает.

— На берегу реки, — голос Чу И всё еще слегка подрагивал.

— У того дупла в дереве? — уточнил Янь Хан.

— Угу, — отозвался Чу И.

— Я ведь говорил что-то этому дуплу, — Янь Хан усмехнулся. — Попробуй послушать, слышно ли?

— Что... что ты там... сказал? — Чу И был удивлен.

— Разве можно рассказывать, что я говорил дуплу? — ответил Янь Хан. — Ты пойди послушай.

Чу И, видимо, пошел к дереву. Спустя какое-то время он снова подал голос:

— Ты... ты назвал меня «шавкой», да?

Янь Хан рассмеялся:

— Услышал?

— Я угадал, — тоже улынулся Чу И.

— А ведь я действительно так сказал, — подтвердил Янь Хан.

— И... когда это было? — В голосе Чу И пропала дрожь, он явно приободрился.

— Перед тем как уехать, — сказал Янь Хан. — Зашел туда попрощаться.

— Правда? — голос Чу И заметно взлетел.

— Угу.

На том конце долго молчали, а потом Чу И наконец вздохнул:

— А твой... твой интеллект, кажется, тоже... не особо высокий.

Янь Хан еще долго смеялся. На самом деле, он уже и не помнил дословно, что наговорил тогда у дерева, но само чувство, ту атмосферу — помнил отчетливо.

Сейчас, оглядываясь назад, это казалось чем-то невероятным. Они ведь в самом деле дожили до дня, когда могут вместе ужинать, болтать и даже сидеть на балконе, любуясь луной. Такой приземленный, такой осторожный, такой неуверенный в себе Чу И — то, что он смог принести в жизнь Янь Хана это «невероятное», само по себе было чудом.

После разговора с Янь Ханом Чу И почувствовал, как на душе немного полегчало. Повесив трубку, он остался сидеть на берегу реки до десяти с лишним часов. Ночной ветер стал холодным, а одет он был легко, так что в конце концов, окончательно продрогнув, он поднялся и побрел назад.

Чувство по отношению к Янь Хану, которое его пугало, никуда не исчезло, оно все еще теплилось внутри, просто стоило услышать голос Янь Хана, как на смену тревоге пришли спокойствие и облегчение.

До встречи с Янь Ханом он не решался докапываться до сути этих перемен. Возможно, только когда он увидит Янь Хана, коснется его, когда им придется встретиться лицом к лицу без возможности отступить — только тогда он сможет во всем разобраться.

А сейчас, стоило ему вернуться домой, как одна лишь мысль о том, во сколько ложиться и когда вставать, начинала раздражать. В доме стояла тишина, как в стоячем болоте. Когда он открыл дверь, в гостиной работал только телевизор. Мама, вероятно, уже спала — дверь в ее комнату была закрыта. Дедушка сидел на диване в гостиной, невидящим взглядом уставившись в экран.

Чу И достал из сумки полотенце и зубную щетку, пошел умыться и обнаружил, что кран в ванной сломан — чтобы набрать воды, приходилось открывать главный вентиль. Он вздохнул. Запасной кран в доме был: дедушка купил его, когда бродил по барахолкам, обычно, если что-то ломалось, папа или дедушка всё чинили сами. Теперь же, глядя на дедушку, было ясно, что у того нет сил даже на замену крана.

Он порылся в ящике, нашел старый кран, взял изоленту с разводным ключом и заменил его. Опираясь на край раковины и глядя на бегущую воду, он почувствовал странное смятение. Раньше этот дом тоже не был идеальным — он был полон гнева, недовольства, подозрений и взаимных обид, но никогда прежде он не казался ему таким ветхим. Словно все могло рухнуть в любую минуту.

Вернувшись в гостиную после умывания, он обнаружил, что дедушка уже ушел спать. Чу И тоже направился в свою комнату, но, зайдя, увидел, что его маленькая кровать разобрана. На

месте, где она стояла, высились две картонные коробки, забитые, очевидно, его личными вещами.

Он замер, затем отступил в гостиную и открыл ящик своего письменного стола. Раньше там почти ничего не было — самое необходимое он забрал с собой, а остались лишь тетрадки, всякая мелочь: сломанные ручки, полбутылки чернил, стеклянные шарики... Все это не имело ни ценности, ни применения.

Но когда он открыл ящик и увидел, что даже эти пустяки исчезли, ему стало горько. Теперь ящик был набит доверху: бабушкина расческа, пачка сигарет, дедушкин чай и даже пакетики с приправами. Этот стол и та кровать — пожалуй, именно с ними у него было связано больше всего воспоминаний в этом доме. Особенно стол: стоило включить настольную лампу, как этот небольшой освещенный пятачок становился его единственным личным пространством.

Постояв немного перед столом, он прошел к дивану, лег, укрылся бабушкиным пледом и закрыл глаза.

— Сегодня иду к дедушке с бабушкой, останусь у них на ночь.

— Хотел сначала заглянуть в зал, но тренер Хэ и остальные разъехались на праздники. Завтра рано утром еду в аэропорт.

Чу И прислал сообщение рано утром. Янь Хан как раз сошел с автобуса и, направляясь к отелю, ответил:

— Забыл сказать, чтобы ты привез еще коробку лунных пряников.

— Я купил пряники, и фрукты тоже.

— Тогда хорошо проводи время с дедушкой и бабушкой. Завтра приеду встречать тебя в аэропорт.

— У тебя же нет времени, я сам знаю, как добраться.

Янь Хан усмехнулся. Входя в вестибюль отеля, он, печатая ответ, по привычке бросил взгляд в сторону — то ли почудилось, то ли наваждение, но ему показалось, что из цветочной клумбы за ним кто-то наблюдает.

Он остановился и обернулся. За клумбой был тротуар, по которому сновали прохожие. За те три-пять секунд, что он стоял, мимо прошло человек семь-восемь. Теоретически, смотрел там на него кто-то или нет, он все равно бы ничего не разглядел.

— У меня найдется время, не волнуйся.

Он отправил ответ Чу И и вошел в отель.

Работа шла своим чередом. После введения нового графика все понемногу адаптировались, и если никто не косячил, а гости не придирались, весь рабочий день превращался в рутину. Однако сегодня все было иначе: праздник середины осени. Хотя ресторан был западным, праздник требовал внимания, а все столики на вечер были забронированы.

Сегодня он должен был проследить, чтобы все праздничные приготовления были выполнены как надо.

— Менеджер Тан только что заходил, велел найти кого-нибудь, чтобы вечером спели для гостей «Пусть мы проживем долго» на английском, — Чжан Чэнь стояла у барной стойки с совершенно разбитым видом.

— Чего? — Янь Хан опешил. — Что спеть?

— «Когда взойдет ясная луна, спрошу вина у синего неба...» — напела Чжан Чэнь, а потом добавила: — На английском. Сказал, что Сяо Янь переведет.

— Переведу... — Янь Хан даже не нашелся, что ответить. — Да ни за что.

Он сразу направился в кабинет к менеджеру Тану. Не говоря уже о том, что вечером все были заняты как проклятые, откуда взять «несколько человек» для выступления? Им ведь еще учить английскую версию! К тому же перевод песен — это не просто перевод смысла, нужно соблюсти размер и рифму, иначе петь будет невозможно. Уж проще было сразу поставить «Fly Me to the Moon».

— Менеджер Тан, — Янь Хан постучал в дверь и вошел. — Насчет этого пения...

— Как тебе идея? Хоть ресторан у нас и западный, но праздник-то наш, традиционный. Это добавит атмосферы и смысла, — расплылся в улыбке менеджер Тан.

<http://bllate.org/book/18095/1747718>